

28 МАЯ '42

Анна КАРАВАЕВА

Грядущий приговор

НА ПРЕМЬЕРЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ТЕАТРЕ
КРАСНОЙ АРМИИ

Перед занавесом появляется артист в форме командира Красной Армии, кратко напоминает зрителям последние моменты ее прославленной истории, подражает всем с праздничным ее 24-й годовщиной, потом говорит о первых и бесстрашных помощниках Красной Армии — советских партизанах и, наконец, объявляет: «А теперь мы представим слово командиру партизанского отряда товарищу Кэ».

И вот зрительный зал, как под волшебным заклинанием при порыве буревого ветра, приходит в движение. Головы зрителей оборачиваются и поверты, и во всех взглядах — жадная оживленность. Лишь тогда, когда наступили на театральные арены, мгновенно переключились в жизнь, в грозную действительность великой отечественной войны.

Открывается дверь на фоне, и товарищ Кэ показывается между двухтапных красных. Среднего роста человек, с истеричной черной кожей, коренастый, с обшарпанным лицом. И его камешковых подошв сверкает седина. Его камешки за ним идут женщины, парни и несколько бородатых в прочных брезентовых подтяжках крестьянского покроя.

Командир партизанского отряда товарищ Кэ поднялся на мостки, соединившие зрительный зал со сценой, и только тогда затихли горячие аплодисменты, которыми зрители приветствовали партизанский отряд.

Но когда огни рампы осветили лица партизан, все увидели на них грим, обычный театральным грим.

— Этого придумано... — сказал это-то зрители.

Кто это придумал? — автор бы. Тур и Д. Шейнин или режиссер А.А. Попов, в данном случае роль не играет. Ха-

рактерно другое: мы, зрители, первые сами это придумали. Все, что мы пережили и почувствовали за эти огненные месяцы, все рассказанную напряженность нашей духовной жизни мы придем проследить на сцене. (Словом, жмет спичечного героя действуем на нас то как напоминание, то как отблеск неповторимого, сурового восторга битвы, то как боль незажившей раны, и потому все сегодняшнее на театре полнует, потрясает зрителя. Драматург же этой истории — в одном месте, в другом трудно. Немножко потому, что артист необычайно чутко и земляет с полуслова, — он добавит нужной полноты даже там, где автор об этом не подумал. Трудно потому, что артист, советский человек, пережил и переживает эти грозные месяцы ненамного много, и требовательность его увеличилась, и чувство правды в нем обострилось.

Мне, зритель, легко следить за каждым движением партизана Касаткина, потому что он относится к добрым мною людям — борцов за родину. Как боец он решителен, смел, страстно любит жизнь, но не дрогнет перед смертью, умеет влиять на людей, суров в требованиях дисциплины, безжалостно предал партию и родину. Его ненависть к фашистскому врагу выражает его безудержная храбрость и в то же время хладнокровная находчивость в бою. Мы готовы поверить тому, что произошло вне поля нашего зрения — до того, как Касаткин и его ближайший помощник Распутин появились в части Якутовича одетыми в форму фашистских офицеров. Окажутся Касаткин и Распутин, не имея возможности связаться с Якутовичем, после ряда неудач в этом направлении придумали этот смелый трюк с перевоплощением.

Но тут же признаем: как ни эффектно это неожиданное появление «пленных», которые оказываются нашими героями, все же для подлинного раскрытия характера человека такие внешние подкрепления словами и рядом значат меньше, чем мелкое за вид черточки, к тому же хорошо расставленные актером.

Вот и отряд Касаткина забубенная разнуздала, молодой парен, смеясь как Петя Басулько (артист Гудим), который очень забавно говорит прибаутками и все в рафму. Касаткину самому, губы его дергаются, — вот он раскраснел. Но он делает строгое лицо и даже грозит Петлю, что несоблюдать придется расстаться с отрядом, если он не будет соблюдать воинскую дисциплину. И Петля, не на пути отступая, твердо обещает «не раскраснеть».

Нали вот еще историк, тоже прекрасно расставленный актером: последние минуты экзальтики, печаль и злорада раздражают сердце Касаткина, и вдруг неожиданно привисает раненого пленного офицера. Ему надо одевать переливание крови, так как от пленного командование может получить ценные сведения. Гримира ненависть вселяет лицо Касаткина, но он сдерживает себя: если лаять для дела, переливание крови нужно промывать по всем правилам науки. Надо соединиться по телефону с больницей, в телефонистку, может быть, уже снался. И какой же радости оказывается наруж лицу Касаткина, когда он слышит в трубке знакомый голос: ему приятно, что девушечко-телефонистки еще на своем посту. (Молодцы, вот молодцы девушки, — с неукротимой лаской говорит он, и мы, зрители, в этот момент ясно читаем, что происходит в душе этого прекрасного человека.

Мы учились, что наша советская драматургия в дни войны работает в сжатые сроки, но... основные законы искусства все же остались в силе и сейчас. Удачи и находки в пьесе всегда бесконечно нехватили. где художественная ткань ее жилая, гибкая и где она бледная и немилца. Например, колоритные эпизодические фигуры — человек в кепке и теплосе в одежде, которые появляются на сцене эпизодично и то на несколько минут. Они куда более удачны, чем проходящая через всю пьесу фигура жены партизана Антонины.

Невыразительны, сливаются в одно пятно такие фигуры, как Зыбин, Цыборин, Дратиня, старика, телефонист — пусть они, что называется, фонные, но и они должны иметь душу-жизнь, как, например, старик в картусе, роль которого так тепло и естественно ведет артист Ратомский. Но всего неудачнее корреспондент «Настоящий». Вводя в действие эту фигуру, авторы пьесы отнеслись к ней, прямо скажем, без внимания. Корреспондент залетел командиру Якутовичу вопросы одного другого бестактнее и ведет себя не как военный человек, а как безнадельно тупой, закоренелый «интеллигент», который не понимает, что он должен делать и какова обстановка его окружает.

Центр тяжести этой пьесы, правда, не в нем, а в командиры Якутовича, который влюблен в своих бойцов и все стремится рассказывать о них, а лучший корреспондент упорно мешает сделать одного Якутовича героем своего очерка. Поскольку корреспондент выступает в пьесе в единственном числе, он повсюду несет на себе всю тяжесть обобщений, и это очень неудачное обобщение: работа корреспондента в наше время — это своеобразное предвзвешивание истории, подвешивание на нем биты, это почетная, в высшей степени уважаемая народом деятельность.

А тут же рядом — опять авторская удача: образ старика-колосника Ефима Кленова, который когда-то «носил на плече» помещичьего мальчишку Володю, теперь встречается с ним, как с «теми же колосами»: русский эмигрант-помещик парящий в форму фашистского офицера и приполз вместе с оккупантами «заговаривать» и «покорять». Неподлая sentimentalность радуется «дому отечества», но скоро убеждается, что этот «дом» горит, как торжора для него и «самой отцов» — помещиком Жидаревич, которого он высылает на своей лодочке и прощает на кусок. — Горечь, жалость! — бешено кричит продажный войлок, а старик смотрит на него взглядом, полным самой жаркой ненависти. «Не тот

стал мужик, не тот» — злобно колотает русский немецкий колот. Вместе с фашистской лодкой он расстреливает, гибнет, насмается, мечтает о немском prospects, а фашистские убийцы усмехаются на его спиною: дурак, воображает, что земля и всерьез «принадлежит» ему! Группа немцев вообще охарактеризована авторами пьесы достаточно ярко и разнообразно: майор Крашке, генерал фон Герлах, кинооператор Вольф, — у каждого из них разбавленная отголоском выражается по-своему.

Кинооператор под руководством гитлеровского кинооператора, которая должна показывать «единение» германского командования с «покорными русскими народами», — самое острое и умное место в пьесе.

Когда предавать и вырывать Лисовский открывает фашистскому майору, что на кинооператоре присутствует партизанка, немецкий разбойник с обешеной злобой разбавляется на советских бойцов, готовясь терзать их. «Натем по старшинству», — кричало он и кричит, уже торжествует: «Кто Касаткин? Выходи!» И в ответ несет: «Я — Касаткин!» «Я — Касаткин!» и вперед выходит Распутин, веселый Петля, скромный бухгалтер Шура, все остальные тоже кричат: «Я Касаткин, я, я!» Такое символическое, такое воле к жизни и такое безостановочное имеет только народ-солдат, верными сынами которого являются тысячи таких Касаткиных. Несколько минут спустя, когда подоспевают на помощь части Красной Армии, приходит время майору Крашке разламываться. «Натем по старшинству, — громко говорит Касаткин, «Кто майор Крашке?» Но никто среди обшарпанных в куту фашистов не пытается спасти своего солдата, а все отворачивается от него, и вот он — весь тут, на виду, воле, прижатый к стене. «Увести их!» — и зритель, оставшая ая, слышит в этой реплике грядущий приговор истории фашизму.

Свердловск.